

УДК 101.1:316

Лабутина Ирина Геннадьевна

Labutina Irina Gennadiievna

соискатель кафедры социологии и культурологии
Кубанского государственного аграрного университета
тел.: (961) 52-48-480

Postgraduate Student of the Department of Sociology
and Culture Studies of Kuban State Agrarian University
tel.: (961) 52-48-480

ЧЕЛОВЕК В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛИЗАЦИИ: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ

THE HUMAN BEING IN THE ASPECT OF SOCIALIZATION PROBLEMS: THE COMPREHENSION EXPERIENCE

В статье аргументируется следующая мысль: корень большинства социальных проблем находится в человеке. Обладая не только рефлексам, подобно представителям животного мира, но и способностью к рефлексии, именно человек оказывается в состоянии преодолеть неизбежное различие между «Я» и «Другой», обретая подлинную целостность в «Мы».

The article considers the following idea: the root of the majority of social problems is inside the human being. Possessing not only reflexes like representatives of the animal world, but also the ability to reflection, the man is capable of overcoming the inevitable difference between "I" and "The other one" getting a genuine integrity in "We".

Ключевые слова: субъект, социализация, anomie, общество, диалогическая концепция, менталитет.

Key words: subject, socialization, anomie, society, dialogue conception, mentality.

Особое внимание к субъекту в контексте современного социума обусловлено следующим: именно человек выступает носителем национального менталитета, который, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние равно как на экономическое, так и политическое развитие России. Более того, в современной реальности не кто иной, как человек, оказывается носителем культуры, которая позиционируется как логически взаимосвязанная система ценностей, установок и институтов, оказывающих воздействие на все аспекты личного и коллективного поведения. Неслучайно поэтому, изучая американскую ментальность, французский социолог А. де Токвиль определил её понятием «нравы». Имеется в виду ситуация, согласно которой «благодаря своим нравам народ может извлечь пользу даже из самых неблагоприятных климатических условий и самых скверных законов. Более того, если нравы населения этому сопротивляются, никакую конституцию не обеспечить» [1, с. 270].

Специально оговорим, что представленная точка зрения не является безоговорочно новой. Еще Гегель в работе «Философия права» постулировал тезис о том, что «в действительном мире значимость имеет только то, что заключено в понятии народа. Нелепостью было бы навязывать народу учреждения, к которым он еще не пришел в своем собственном развитии» [2, с. 383]. Другими словами, подчас даже самые перспективные, осторожно и осмотрительно сформулированные властью проекты не находят отклика у населения в силу незрелости большинства.

В данном контексте становится очевидным, что проблема социализации субъекта требует для своего решения такого целостного подхода, в рамках которого возможно согласование противоречий, возникающих на пересечении формальной логики с логикой неформальной, гносеологической истины и экзистенциальной правды, науки и искусства, в том числе перенос понятия системы из научно-теоретической плоскости в плоскость онтологии. Речь в данном случае идет об обосновании единства мира науки и жизненного мира человека как непереносимом условии перехода от субъективного процесса познания к объективному смысловому содержанию. При этом, по справедливому замечанию Л.А. Микешиной, необходимо учитывать как, каким образом, выходя в мир всеобщего и необходимого путем абстракций, сохранить мир живой становящейся человечности [3].

Важно заметить, что в отечественной философской традиции разработкой комплексного подхода, в рамках которого обозначенные задачи частично решались, занимались Г. Шпет («Искусство как знание», «Психология социального бытия»), А. Лосев («Диалектика художественной формы», «Музыка как предмет логики»), Я. Голосовкер («Имагинативная эстетика»). Однако наиболее глубоко целостный подход получил свое воплощение в диалогической концепции гуманитарного знания М. Бахтина.

Несмотря на невероятную популярность идей этого мыслителя, как в России, так и на Западе, современные ученые констатируют процесс монологизации российской культуры. Суть последнего, согласно А.С. Ахиезеру, заключается в том, что российское общество избегает диалога как с государством, так и с институтами самого гражданского общества. Специально оговорим, что в унисон с концепцией М.М. Бахтина, А.С. Ахиезер понимает под диалогом не столько вербальное общение как таковое, сколько специфический тип культуры, которая отмечена склонностью социальных субъектов к непрерывной коммуникации. Другими словами, в диалоговой культуре значимой оказывается двусторонняя связь между субъектами, позволяющая общению быть взаимоадаптивным и гибким.

Знаменательно, что подобная ситуация, в рамках которой монололизация культуры становится приметой нашего настоящего, имеет, по свидетельству А.С. Ахиезера, весьма древние корни. Как пишет ученый, «формирование власти варягов не продолжило ранее шедший процесс усложнения государственного управления. Правители ставили своей целью, прежде всего, монологическое укрепление административной власти князей, соответствующего аппарата. Это давление “сверху” очевидно близко соответствовало уровню развития рядового человека “снизу”, не ощущавшего потребность брать на себя ответственность за целое. Сложившиеся до государства формы управления замыкались на себя, на свой ограниченный локальный мир, противостояли развитию квалифицированной ответственности низших уровней за высшие, противостояли диалогу между ними. Формирование новой государственности ложилось на почву мощного традиционализма, идущего из догосударственных структур» [4, с. 27]. Таким образом, мысль о том, что «налаживание диалоговых связей представляется на сегодняшний день едва ли не приоритетной социокультурной метазадачей...» [5, с. 135], являет собой, по сути, такое «новое», которое является хорошо забытым старым.

Более того, утверждение, согласно которому вопрос: «Является ли человек обществом?» звучит ли едва ли не глупо, поскольку «утвердительный ответ на него был бы абсурдом, развивать который не имеет никакого смысла» [5, с. 35], именно в диалогической концепции М.М. Бахтина представляется весьма спорным. Дело в том, что, по мысли философа, субъект предстает перед нами «расщепленным» на две составляющие. Если обратиться к аналогии с художественным произведением, то речь будет идти, с одной стороны, о том, кто осуществляет рефлексивную над познанием, т. е. об «авторе». С другой стороны, о том, кто осуществляет самопознание, выступая в качестве его «героя». Соответственно, в контексте идей Бахтина мы можем говорить о неактуальной для «мира теоретизма» внутренней структуре единого в двух лицах субъекта. Последняя обнаруживает себя только в том случае, если собственно когнитивное отношение дополняется ценностным – этическим и эстетическим. При этом одновременно выявляется и особая структура эпистемологического акта, где предполагается временная, пространственная и смысловая внеаходимость, а традиционное бинарное отношение «субъект-объект» становится, как минимум, тернарным: субъект относится к объекту через систему ценностных или коммуникативных отношений и сам предстает в двуединности «Я и Другой», и уж если и противостояет объекту, то только в таком качестве.

По сути, столь распространенное заблуждение, согласно которому поиск ответа на вопрос «Является ли человек обществом?» заведомо обречен, созвучно позиции Э. Жильсона с той лишь оговоркой, что французский философ демонстрирует свою позицию на примере музыкального и изобразительного видов искусства [6]. В частности, по мнению Э. Жильсона, в отличие от живописи, опыт общения с которой является подлинно личностным актом, музыкальное производство и музыкальный эстетический опыт суть мероприятия с выраженными чертами социальности и коллективности.

Несмотря на кажущуюся правоту зарубежного мыслителя, при более глубоком взгляде на вещи, становится очевидным, что в действительности философ ставит в один ряд с музыкальным искусством такие зрелищные, адресованные массам виды творчества, как цирк или спорт. Однако о недопустимости подобного шага говорят, по мысли П.С. Волковой, следующие факты. Во-первых, феномен социальности, являющий собой непрерывную связь с другими, никоим образом не равнозначен непосредственному контакту. Известны многочисленные примеры, когда, оставаясь в физической изоляции, человек, тем не менее, был связан с идеями, ценностями или хотя бы с социальными привычками, которые давали ему чувство «принадлежности» к большинству. Здесь, пожалуй, мы имеем все основания говорить о «внутренней социальности», отмеченной бытийной, а не когнитивной характеристикой [7].

Во-вторых, то обстоятельство, согласно которому зрелищность предполагает ситуацию взаимодействия между воспринимающими его людьми, что, по сути, является актуальным и для концерта, когда одобрение публики выражается в дружных аплодисментах, не позволяет, тем не менее, проводить знак равенства между одним и другим. Несмотря на то, что в действительности невозможно себе представить одиноких, разобщенных людей на трибуне стадиона или в амфитеатре цирка: зрелища просто не будет, оно не состоится, принципиальным по отношению к цирковому представлению и концерту становится, по мысли П.С. Волковой, следующее. Если цирковое представление изначально обращено непосредственно ко всем и лишь опосредованно – к каждому, то концерт, напротив, внутренне обращен к каждому отдельному слушателю и лишь как следствие этого – ко всем вместе [8].

Другими словами, область взаимодействия людей в рамках циркового представления являет собой такое большинство, в рамках которого отстаиваемая Бахтиным двуединность нивелируется тотальным «Мы». Напротив, ситуация, связанная с прослушиванием музыкального произведения отвечает опыту, в рамках которого «Я единственный из себя исхожу, а всех других нахожу – в этом глубокая онтологически-событийная равнозначность» [9, с. 66].

Еще один пример. По мысли В.Г. Федотовой, «аномийное состояние современной России вы-

звано именно апатическим настроением основного актора общественных отношений – индивида» [10, с. 13]. В данном контексте уместно вспомнить, что в рамках антропологической традиции, как ее понимает М.М. Бахтин, познание является поступком ответственно мыслящего участного сознания, для которого актуальны ценностные (этические и эстетические) отношения цельного человека, вследствие чего поступок выступает в своей архитектурной целостности – единстве познавательного, этического и эстетического. Заметим, что, согласно М.М. Бахтину, в противоположность эстетическому как данному, этическое определяет человека с точки зрения заданного.

Соответственно, полностью признавая правоту отечественного ученого, необходимо отдавать себе отчет в том, что здесь речь идет о таком индивиде, который не обладает потребностью мыслить и, как следствие, способностью понимать, ибо понимание как исходный феномен мышления базируется на умении задавать вопросы самому себе и так же самостоятельно находить на поставленные вопросы ответы [11]. Причем, в данном контексте важно отдавать себе отчет в том, что принципиальная разница между познанием Бахтина, ориентированным на диалог, на понимание и познанием как неотъемлемым атрибутом гносеологии заключается в том, что понимать – значит изменяться, в то время как познавать – это изменять.

Специально заметим, что вбирающая в себя многие социальные проблемы диалогическая концепция не ограничивается творчеством М.М. Бахтина. По сути, актуализируемые отечественным мыслителем вопросы обнаруживают себя и в диалогах Сократа. Более того, деятельность античного философа была во многом инициирована духовным разложением масс, основанным на разрушении общего сознания, с которым прежде все чувствовали себя связанными. Причем, аналогично философии поступка Бахтина сократовская философия не столько способствует созданию новой истины, сколько ее «выявлению в момент дремотного (или, что то же – апатического. – И. Л.) состояния в каждом из нас и без нашего ведома» [12, с. 131]. Неслучайно сам Сократ был убежден в том, что если все «люди в серьезном обмене мыслями сумеют вскрыть самообман и поверхностные привычки своих ходячих представлений, то все они натолкнутся на одно общее зерно: на нравственный разум» [12, с. 133]. Вне всяких сомнений, последний выступает подобием события познавательного и этического, о значимости которого писал М. М. Бахтин [13].

Интересно, что преодоление дремотного состояния сознания, исключающего апатию, квалифицировалось Гете с позиции истины. «Если, – постулировал в своих диалогах с Эккерманом Гете, – имея представление, человек имеет его на пользу себе, если оно подлинно внедряется в целостный и единый смысл его внутреннего бытия, и энергия, развиваемая им в сфере этого бытия, становится моментом его развития, тогда содержание этого личного и динамически значительного представления должно быть названо истинным» [14, с. 188]. При этом «подлинность внедрения представления» опознается, по мысли философа, в преодолении индивидуалистических образов познания в их самодовольной отъединенности.

Другими словами, в момент истины сознание вбирает в себя все относительные различия, возникающие среди познающих субъектов, и побеждает их через согласование противоречий, в первую очередь, своих собственных противоречий ума и сердца, рационального и эмоционального, познавательного и этического, данного и созданного. «Если человек объединен в себе самом, – пишет по этому поводу Гете, – то он объединен и с другими» [14, с. 198]. Согласимся, в данном случае слова Гете звучат в унисон с цитируемыми ранее словами М.М. Бахтина. Как писал мыслитель, ««Я единственный из себя исхожу, а всех других нахожу – в этом глубокая онтологически-событийная равнозначность» [9, с. 66].

Подытоживая все изложенное, мы имеем все основания утверждать, что корень большинства социальных проблем находится исключительно в человеке. Обладая не только рефлексамми, подобно представителям животного мира, но и способностью к рефлексии, именно человеку, оказывается, по силам актуализация понимания как исходного феномена мышления. Вне всяких сомнений, понимающий субъект выступает, таким образом, в качестве подлинного носителя культуры мышления. Причем, мы убеждены, что подлинно культурной личностью оказывается ни кто иной, как обладающий культурой мышления субъект. В данном контексте обратим внимание на позицию испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, который весьма тонко передает глубину интересующего нас понятия.

«Жизнь сама по себе и всегда – кораблекрушение, – пишет он. – Терпеть кораблекрушение не значит тонуть. Несчастливый, чувствуя с какой неумолимой силой затягивает его бездна, яростно машет руками, стремясь удержаться на плаву. Эти стремительные взмахи рук, которыми человек отвечает на свое бедствие, и есть культура – плавательное движение. Только в таком смысле культура отвечает своему назначению – и человек спасается из своей бездны. Но десять веков непрерывного культурного роста принесли среди немалых завоеваний один существенный недостаток: человек привык считать себя в безопасности, утратил чувство кораблекрушения, его культура отяготилась паразитическим, лимфатическим грузом. Вот почему должно происходить некое нарушение традиций, обновляющее в

человеке чувство шаткости его положения, субстанцию его жизни. Необходимо, чтобы все привычные средства спасения вышли из строя, и человек понял: ухватиться не за что. Лишь тогда руки снова придут в движение, спасая его» [15, с. 436].

Принимая во внимание тот факт, согласно которому настоящее время, по мнению ученых-гуманитариев, – время беспрецедентной деградации всех форм политической, общественной, хозяйственно-экономической и духовно-культурной жизни, очевидно, что сложившееся положение дел с необходимостью требует обращения к человеку, который вопреки всему не утратил навык, обеспечивающий его способность держаться на плаву.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Токвиль Алексис де*. Демократия в Америке. М., 2000.
2. *Гегель Г.Ф.* Философия права. М., 1990.
3. *Микешина Л.А.* Философия науки. М., 2005.
4. *Ахиезер А.С.* Монологизация и диалогизация управления (опыт российской истории) // *Общественные науки и современность*. 2004. № 2.
5. *Жалкий В.Т.* Проблема аномии в солидаризационной модели социальной реальности: дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2011.
6. *Жильсон Э.* Живопись и реальность. М., 2004.
7. *Волкова П.С.* Реинтерпретация текстов культуры (на материале искусства XX века). Краснодар, 2009.
8. *Махлин В.* Диалог как способ нового мышления: (культурологическая концепция М.М. Бахтина и современность) // *Человек в зеркале культуры и образования*. М., 1988.
9. *Бахтин М.М.* К проблеме материала, содержания и формы // М.М. Бахтин. Работы 1920-х годов. Киев, 1994.
10. *Федотова В.Г.* Апатия на Западе и в России // *Вопросы философии*. 2005. № 3.
11. *Богин Г.И.* Субстанциальная сторона понимания текста. Тверь, 1994.
12. *Виндельбанд В.* О Сократе // *Лики культуры: Альманах*. В 3-х т. М., 1995. Т. 1.
13. *Бахтин М.М.* Работы 1920-х годов. Киев, 1994.
14. *Зиммель Г.* Истина и личность (из книги о Гете) // *Лики культуры: Альманах*. В 3-х т. М., 1995. Т. 1.
15. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М., 1991.